

дискурс, фольклор, художественная литература, материальная культура, исторический опыт народа, обиходно-эмпирический опыт и пр.), до тропеических механизмов идиомообразования (метафора, синекдоха, гипербола, литота, символы и под.), можно прийти к достаточно полному, научно обоснованному, культурному комментарию фразеологических единиц русского языка. Сам же лингвокультурологический комментарий идиом способствует не только реконструкции различных фрагментов русской фразеологической картины мира, но и более глубокому пониманию душевного склада русского народа, его образа жизни и ментальности в целом, аккумулирует национальное мировидение и миропонимание.

Литература

Бирих А.К. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий/ Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006 784 с.

Калинина А.В. Внутренняя форма идиом русского и французского языков: Опыт сопоставительного анализа: монография. М.: ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ, 2007.

Словарь символов и знаков / Авт.- сост. Н.Н. Рогалевич. Минск: Харвест, 2004. 512 с.

Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2007. 591 с.

Г.Н. Манаенко (Россия, Ставрополь)

ЗНАЧЕНИЯ «МИРА ТЕКСТА» КАК ДОСТУП К СМЫСЛАМ «МИРА ДИСКУРСА»

Современные подходы к пониманию коммуникации как смысловому взаимодействию, погруженному в социально-культурные условия, существенно изменяют традиционное отношение к специфике текстов, созданных в рамках различных институциональных дискурсов. Любой дискурс порождает текст – конкретный материальный объект, отображающий специфику взаимодействия людей при создании информационной среды в той или иной сфере деятельности. Иницирует же процесс общения не стремление человека передать информацию, те или иные сведения о внешней по отношению к нему реальности, а стремление сделать свои интенциональные состояния не только понятными другому, но в подавляющем большинстве случаев разделенными, принятыми другими людьми.

По мнению М.Л. Макарова, при таком подходе коммуникация происходит вовсе не как трансляция информации и манифестация намерений, но как демонстрация смыслов, кстати, и не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации адресатом: «...следовательно, пока человек находится в ситуации общения и может быть наблюдаем другим человеком, он демонстрирует смыслы, хочет он этого или нет. При этом важную роль играет активность воспринимающего *Другого*: без соучастия коммуникантов в едином процессе демонстрации смыслов не могло бы быть ни общения, ни совместной деятельности. Можно добавить, что эта интерпретация смыслов происходит в процессе постоянных «переговоров», гибкой диалектики коллективного осмысления социальной действительности» [Макаров 2003: 38 – 39].

Таким образом, в настоящее время акцент ставится на созидающей, творческой роли не только говорящего, но и слушающего: «Значение выражения не может быть сведено к объективной характеристике ситуации, описываемой высказыванием: не менее важным является ракурс, выбираемый «концептуализатором» (т.е. говорящим – Г.М.) при рассмотрении ситуации и для ее выразительного портретирования [КСКТ 1996: 73]. Также считается, в соответствии с главным положением теории релевантности о предопределенности значения формой высказывания, что «полный потенциал значений языкового выражения реализуется только при его интерпретации слушающим» [КСКТ 1996: 23]. В этой связи полная семантическая характеристика языкового выражения устанавливается на основе таких факторов, как уровень конкретности представления и восприятия ситуации, фоновые предположения и ожидания участников коммуникации, относительная выделенность конкретных языковых единиц, выбор точки зрения на описываемую сцену. Созидательная роль говорящего и слушающего как участников коммуникации не укладывается в прокрустово ложе традиционного определения синтактики, семантики и прагматики, поскольку сам «выбор» пропозиционального содержания и «ракурс» представления описываемой ситуации суть не что иное, как отношение пользователя к знаку, с одной стороны, и отношение пользователя знака к миру

реальности, или онтологии, никак не отраженное при семиотическом выделении трех составляющих, с другой стороны.

То, что выступает онтологией для языкового выражения, в семантических работах традиционного направления определяется в качестве «мира дискурса»: «Денотативный слой значения, или денотативное значение, или просто денотат языкового выражения, – это передаваемая им информация о внеязыковой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет речь. Чтобы каждый раз не делать оговорку о реальности / ирреальности мира, с которым соотносится языковое выражение. используется нейтральный в этом отношении термин мир дискурса» [Кобозева 2000: 58]. Здесь, на наш взгляд, необходим комментарий. Прежде всего следует отметить очевидную языковую (а может, не только языковую?) погрешность: прилагательное *ирреальный* означает «нереальный, не существующий в действительности» [Современный словарь иностранных слов 1993: 248], соответственно, «внеязыковая действительность» в данном определении редуцируется до «реального мира», который и составляет онтологию так понимаемого «мира дискурса», что подтверждается последующим анализом сакраментального предложения *Нынешний король Франции лыс*: «Итак, мы вынуждены признать, что предложение (3) применительно к действительному миру не может быть оценено ни как истинное, ни как ложное, а значит, оно лишено смысла, и в силу этого аномально. Причиной этого является то, что в нем некоторое свойство приписано, или предцировано несуществующему объекту. Если в мире дискурса не существует некоторого объекта, то в этом мире нет смысла обсуждать свойства данного объекта» [Кобозева 2000: 202 – 203].

Между тем, как подчеркивает К.А. Переверзев: «Лингвистике должны быть малоинтересны данные «беспристрастной» действительности: она рассматривает мир в модальности субъекта. Онтологией языка является не то, что обретается «за окном», а то, что конструируется (концептуализируется) языком – а также, при участии языка, его носителями и нами, лингвистами, – в этом законном пространстве» [Переверзев 1998: 26]. При таком подходе, т.е. когда онтологией языкового выражения выступает картина мира, реального или воображаемого, созданная говорящим и интерпретируемая слушающим, т.е. «мир дискурса», снимается характерное для логической семантики отождествление значения языкового выражения с той внеязыковой сущностью, которую оно обозначает: «В естественном языке экстралингвистическая реальность представляет собою мир, взятый в интерпретации его людьми, вместе с их отношениями друг к другу, и в этом смысле «онтология» явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют внеязыковую действительность; с другой стороны, любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира» [Булыгина, Шмелев 1997: 7].

Человек культуры живет в уже опредмеченном мире (по Ж. Пиаже), выступая одновременно и субъектом и объектом этого мира: «Мы задаемся вопросом: как Мир отражается во «мне», в моем внутреннем мире? Но не можем при этом понять, что «я» – тоже часть Мира и что этот Мир существует лишь при условии моего существования и моей деятельности в нем. Я – неразрывная, интегральная часть этого Мира. В противном случае это – другой Мир» [Леонтьев 2001: 127]. «Другой» не в смысле иной объективной реальности, но в смысле иного представления о едином Мире (единстве субъективной и объективной реальности). В соответствии с концепцией Л.С. Выготского, реальный мир выступает перед человеком в «удвоенном» виде: как мир «вещей» и мир общественно выработанных знаний об этих вещах, как отображение этого мира в идеальных формах. Но, строго говоря, есть лишь единый мир, который выступает перед нами только таким, каким мы его представляем. «Удвоение мира» – это дань научной традиции, картезианскому противопоставлению внутреннего (ментального) мира субъективной реальности и внешнего (материального) мира объективной реальности.

Если идеальное во многом характеризует происхождение сознания, его природу (со-знание), т.е. является его онтологическим признаком, то «удвоение мира» – это подчеркивание признака представления, репрезентативности, который характеризует «работу» сознания и является его функциональным признаком: идеальные формы сознания могут выступать в функции *значений*. Репрезентативность как сущностная черта идеального при соответствующих гносеологических интенциях может стать «множителем» моего мира. Так, Е.С. Кубрякова, обосновывая семиотическую заданность когнитивных исследований, пишет: «Мы реально живем в мире вещей и взаимодействуем с людьми вокруг нас. Мы тоже живем в мире языка, который предлагает нам увидеть и понять мир в терминах уже *означенной* и *ословленной* действительности. Но мы живем тоже и в мире знаков» [Кубрякова 2001: 33]. Однако мы живем все-таки только в «мире вещей», ориентируясь в нем с помощью своих представлений об этом мире, но именно отношение пред-

ставления «удваивает» или «утраивает» мир. Знаки же, в том числе языковые, координирующие наши концептуальные схемы, – те же вещи «мира вещей»: «То, что мы привыкли называть языковым знаком (противопоставляя его тем самым знакам неязыковым), для Наблюдателя является таким же компонентом среды (ниши). как и любая другая сущность, с которой организм может вступать во взаимодействие» [Кравченко 2001: 215].

Исходя из сказанного, денотатом (эмпирическим объектом) значения слова выступает звуковой комплекс. Денотатом «вещи» – соответствующий предмет, однако не просто предмет, но предмет в контексте культуры, как и звуковой комплекс в контексте высказывания, поскольку только в контексте системы, с одной стороны, и контексте конкретного функционирования, с другой, может происходить осмысление мира, т.е. порождение мыслей и формирование смыслов об этом мире. Соответственно, можно утверждать, что актуализация значения инициирует мысль, а результатом мысли становится *смысл*. Это формы идеальной природы, но качественно и функционально различные. В плане соотносительности значения и смысла необходимо, вслед за А.А. Леонтьевым подчеркнуть, что значение – это любая форма социального закрепления и кодификации деятельности, существующая также и в сознании. Со значением соотносятся личностные смыслы как форма включенности значения в концептуальную схему.

При этом надо учитывать, что в отличие от других идеальных форм, знаки представляют двухуровневое образование с двойной сигнификацией (обладают предметным и знаковым значениями). Принципиальное же отличие языка от других знаковых систем заключается, на наш взгляд, в том, что это не закрытая система «готовых» знаков, но система для порождения потенциально бесконечного количества знаков. Язык можно рассматривать как систему эмпирических объектов, предназначенную и только предназначенную для реализации знаковой функции на основе комбинирования своих элементов. Вне знаковой функции языковые выражения перестают существовать как идеальные формы, практически полностью теряя свое предметное значение (мы все-таки способны отличить один бессмысленный комплекс от другого).

Как и любое значение, значение языкового выражения как означаемое не находится «внутри» него: «Значение – факт сознания. ... При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передачи: знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них. < > ... знаки не несут и не передают значения (это метафоры) от одного человека другому, а индуцируют тождественные или сходные значения (по Ч.С. Пирсу, интерпретанты – Г.М.), возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях» [Никитин 1988: 16].

Общение – это двусторонний процесс порождения и понимания речи как области взаимодействия. Ср.: по М.М. Бахтину, понимание текста «есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отраженному объекту» [Бахтин 2000: 484]. Но речевое общение – это не просто апелляция к определенным конфигурациям смыслов, но прежде всего порождение мыслей как действий. В таком случае можно утверждать, что если слово – апелляция к смыслу (знанию как определенному результату «прошлых» мыслей), то коммуникативная единица языка – это апелляция к мысли (непосредственно протекающему процессу движения знаний и представлений о мире). Различные типы предложений и других синтаксических конструкций, укорененные в языковой системе, – это своеобразные инструкции по порождению типов мыслей. Соответственно, отмечает Э. Левинас: «Сущностью языка в таком случае оказывается «отношение к Другому». и оно не приклеивается к «внутреннему монологу», как адрес на посылку или этикетка на готовое изделие, но сущностно включает в себя «радостное приятие бытия, отраженное на нашем лице, этическое событие социальной реальности». Эти моменты изнутри управляют дискурсом» [Цит. по: Портнов 1995: 79-80].

Надо отметить, что позиции Э. Левинаса во многом предвосхитили установки современной когнитивной лингвистики, в соответствии с которыми язык не считается отдельным модулем психологической структуры индивида, т.к. язык предстает как средство апелляции к другим когнитивным системам и интегрирован в них. Язык, скорее, когнитивный инструмент, система обозначений, использующихся в презентации ментальных презентаций и в видоизменении структур знаний: «Значения приравниваются концептуализации, т.е. эксплицируются как когнитивная переработка. ... Лингвистическая семантика в концепции К.Г. имеет энциклопедический характер, так как лингвистические выражения значимы не сами по себе, а в силу того, что они обеспечивают доступ к различным структурам знаний, которые и позволяют «обнаруживать» смысл высказывания» [КСКТ 1996: 50].

Необходимо подчеркнуть, что под «значением» здесь имеется в виду знаковое значение языковых выражений, благодаря которому и осуществляется «указание». Структуры знаний, к которым обеспечива-

ется таким образом «доступ», и есть означаемое языкового выражения как знака. Знаковое значение языкового выражения кодифицировано в «направлении совпадения» как общепринятой апелляции к определенной области смыслов концептуальной схемы, а также в плане формирования определенного типа мысли как движения и столкновения смыслов. Оно указывает на те смыслы, которые традиционно актуализируются в коммуникации, тем самым закрепляясь за ними (ср. выражение «стоит за словом»), «растворяясь» в них. Это «ближняя», наиболее частотная и актуализированная зона смыслов, так называемое *ближайшее значение* мыслительного содержания, по А.А. Потебне.

Как пишет И.К. Архипов, «...свойства носителя языка могут быть приписаны продуктам его деятельности, что, «по логике», ведет к «оживлению» системы языка – наделению ее способностями «самоорганизации» и «самостоятельного» действия» [Архипов 2006: 168]. Способность быть знаком, организовывать взаимодействие индивидов, выступать средством для изменения психологических состояний общающихся и трансформации их концептуальных схем дала основания считать, что знания, предназначенные для «передачи», должны быть концептуализированы в языковых формах, приобретая тем самым качество «информации». Таким образом, получая статус реального социально-когнитивного феномена, информация онтологизируется, а языковые выражения становятся «кусочками» информации, которыми можно обмениваться как материальными предметами.

Однако, как отмечает А.А. Залевская, «...тело текста, взятое само по себе, без означивающего его человека, не содержит какой-либо внутренней энергии, не может самоорганизовываться структурно» [Залевская 2002: 64]. Если учитывать тот факт, что в естественном процессе общения для носителя языка смысл слова сливается с его значением при актуализации того или иного фрагмента «мира дискурса», то следует принять положение, согласно которому «...исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передается через значения используемых слов, которые дважды выступают в роли медиаторов в пятичленной связи «автор – его проекция текста – тело текста – проекция текста – читатель», при этом означивание и спонтанная интерпретация текста протекают на базе личностного опыта и связанных с ним переживаний разных людей» [Залевская 2002: 71]. В результате можно утверждать, что при онтологизации информации в тексте представлены конвенциальные значения языковых выражений, которые, по существу, образуют «мир текста», выступающий территорией взаимодействия как минимум двух человек и обеспечивающий доступ к их концептуальным структурам, определяющим «мир дискурса».

Специфика «мира текста», на наш взгляд, блестяще представлена в повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» в эпизоде, когда Александр Привалов испытывал машину времени. Приведем небольшой фрагмент: *«На людей смотреть было интереснее. Я увидел здоровенных ребят в комбинезонах, ходивших в обнимку, чертыхавшихся и оравших немелодичные песни на плохие стихи. То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего); или в желтых ботинках и цветастом галстуке (ни штанов, ни рубашки, ни даже белья); или в изящных туфельках на босу ногу. Окружающие относились к ним спокойно, а я смущался до тех пор ... (Здесь сделаем существенную для понимания текста купюру – Г.М.). <...> Тротуар вынес меня на огромную площадь, забитую людьми и уставленную космическими кораблями самых разнообразных конструкций. Я сошел с тротуара и стащил машину. Сначала я не понимал, что происходит. Играла музыка, произносились речи, тут и там, возвышаясь над толпой, кудрявые румяные юноши, с трудом управляясь с непокорными прядями волос, непрерывно падающими на лоб, проникновенно читали стихи. Стихи были либо знакомые, либо скверные, но из глаз многочисленных слушателей обильно капали скупые мужские, горькие женские и светлые детские слезы. Суровые мужчины крепко обнимали друг друга и, шевеля желваками на скулах, хлопали друг друга по спинам. Поскольку многие были не одеты, хлопанье это напоминало аплодисменты. Два подтянутых лейтенанта с усталыми, но добрыми глазами протащили мимо меня лоценого мужчину, завернув ему руки за спину. Мужчина извивался и кричал что-то на ломаном английском. Кажется, он всех выдавал и рассказывал, как и за чьи деньги подкладывал мину в двигатель звездолета. Несколько мальчишек с томиками Шекспира, воровато озираясь, подкрадывались к дюзам ближайшего астроплана. Толпа их не замечала»* [Стругацкие 1992: 140 – 141].

Поскольку, по утверждению изобретателя машины времени Луи Седлового, путешествие было совершено в «описываемое будущее», как и персонажи повести, читатель, особенно любитель фантастики, без особого труда может установить, кем и в каких произведениях, а самое главное, как описывалось «будущее», каким оно представлялось в том или ином «мире текста». То, что это именно «мир текста», подтверждает сделанная нами купюра: Саша Привалов смущался до тех пор, «пока не вспомнил, что некото-

рые авторы имеют обыкновение *писать* (Выделено нами – Г.М.) *что-нибудь вроде «дверь отворилась, и на пороге появился стройный мускулистый человек в мохнатой кепке и темных очках»*. Писатели с иронией подчеркнули одну из особенностей текстов дискурса фантастики «ближнего прицела», как, впрочем, и некоторые другие – клише при описании места действия, стандартизированность событий (непрерывно англоязычный шпион и т.п.), штампы при передаче психологических состояний героев (варианты слез). Именно поэтому следует разграничивать «мир дискурса» и «мир текста», «...то, что лежит за словом и его возможное вербальное описание как последующий этап. На самом деле любое вербальное описание того, что лежит за словом, представляет собой выводное знание, обеспечиваемое соответствующими механизмами и построенное на базе потенциального набора активируемых в памяти репрезентаций некоторых сущностей или событий» [Залевская 2002: 67].

Значения языковых выражений как апелляция к социально закрепленным конфигурациям смыслов определяют *параметры* концептуализации мира определенным социумом, но не являются собственно формируемыми концептами. Иначе говоря, знаковые значения языковых выражений устанавливают границы содержания (означаемого) концептов со-знания каждого члена данного социума, ассоциируемые с языковым знаком.

Действительно, языковой знак, сочетаясь с другими языковыми знаками, создает «мир текста» и соотносится с ситуацией своего применения, что и образует контекст. Именно в контексте происходит переориентация указания, реализованного на основе системы знаковых значений языковых выражений, на другую область концептуальной схемы как структур знаний и представлений о мире. Все это возможно, поскольку области конфигураций смыслов как знаний и представлений о мире пересекаются, имеют общие точки (т.е. «обладают» одними и теми же смыслами. Совпадение «направления совпадения», т.е. областей смыслов как структур знаний и представлений о мире у разных индивидов, образует «мир дискурса» и обусловлено как биологическим единством человека, так и принадлежностью индивидов к одному социокультурному пространству.

Литература

- Архипов И.К.* Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 157 – 171.
- Бахтин М.М.* (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000.
- Булдыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Залевская А.А.* Некоторые проблемы теории понимания текста // *Вопросы языкознания*. 2002. № 3. С. 62 – 73.
- Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Кравченко А.В.* Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.
- Кубрякова Е.С.* Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // *Вопросы филологии*. 2001. № 1 (7). С. 28 – 34.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М., Воронеж, 2001.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
- Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988.
- Переверзев К.А.* Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // *Вопросы языкознания*. 1998. № 5. С. 24 – 52.
- Портнов А.Н.* Сознание, личность, язык в философии Э. Левинаса // *Философия языка и семиотика*. Иваново, 1995. С. 71 – 82.
- Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1993.
- Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке. М.: Текст, 1992.